

мой долженъ сохранить свою твердость, глаза все время должны быть открыты.

Товарищи добродушно подсмѣивались надъ моей теоріей «командировки», но мнѣ лично нѣкоторое время она придавала большой запасъ силъ и энергіи. Увы! только «нѣкоторое время».

Затѣмъ, все чаще и чаще сталъ я ловить себя на мысли, что живу среди мертвецовъ. Въ это время что-то неладное началось со мной. Пошатнулось здоровье, начались какіе-то припадки сердцебиеній. Большую часть дня приходилось лежать на койкѣ, бросивъ мысль о какихъ бы то ни было занятіяхъ. Энергія быстро падала. Теорія «командировки» мнѣ самому стала тогда казаться смѣшной и нелѣпой. И, иронизируя надъ собою, я думалъ:

— Не надолго же хватило у тебя пороку! Думалъ ты, что тебя природа лѣпила изъ другого тѣста, чѣмъ остальныхъ... Нѣтъ, лучше не тратить зря силы, иди покорно на дно!

Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ здоровье у меня возстановилось, и настроеніе опять измѣнилось къ лучшему. Но вѣдь «нормальное» состояніе для тюрьмы — не здоровье и самоуверенная бодрость, а именно болѣзнь и упадокъ духа. И потому именно во время своей болѣзни я ближе всего пережилъ господствующее въ тюрьмѣ среди «уцѣлѣвшихъ» политиковъ утомленіе жизнью. И въ это время всего лучше понялъ я душевное состояніе своихъ товарищей по заключенію...

Помню, какъ встрѣчали мы въ башнѣ 1-е января 1909 года.

День 31 декабря былъ необыкновенно суетливый и утомительный. Съ утра началась уборка камеръ, мыли и скребли полы, обметали стѣны, протирали стекла въ окнахъ. Наводили на все блескъ и глянецъ, — на случай,

если завтра кто-либо изъ высшаго начальства вздумаетъ посѣтить тюрьму.

И едва успѣли управиться съ уборкой, началась новая суматоха, — свиданія. Собственно говоря, это не былъ день свиданій, но начальство, ради собственного удобства, перенесло на этотъ день завтрашнія новогоднія свиданія.

На этотъ разъ волновались въ ожиданіи свиданія еще больше, чѣмъ обыкновенно. Свиданія ожидали только трое изъ насъ: къ Григорію и къ Семенову должны были придти ихъ жены. Женя ожидалъ къ себѣ мать и сестру. Всѣ трое стояли у двери, ожидая, когда выкликнуть ихъ фамиліи.

Вотъ вызвали Григорія, за нимъ Женю. Семеновъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица отошелъ отъ двери и легъ къ себѣ на кровать.

— Ну, ко мнѣ, значить, не придутъ сегодня, — ска- залъ онъ. — Ольга позже 12 часу никогда не приходила. Вѣрно, дома что-нибудь случилось... Съ дѣтьми, можетъ быть, или съ ней самой... Больна, что ли, или обыскъ...

— Э, полно! Какой тамъ обыскъ? Просто замѣшка- лась, — успокаивалъ его Харько.

Вернулся со свиданія Григорій. Лицо у него было блѣдное, разстроенное, будто онъ перенесъ только что большую неприятность. Въ глазахъ свѣтилась обида, презрѣніе, ненависть. Вошелъ въ башню, небрежно бросилъ на койку узелокъ съ бѣльемъ и передачей и, молча, не глядя ни на кого, сѣлъ къ окну.

Митя Птичкинъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что, поговорить не удалось? Или новости плохія узналъ?

— Да, — коротко отвѣтилъ Григорій.

— Что же рассказываютъ?

Григорій молча сѣлъ у окна, нервно барабанилъ паль-

цами по стеклу. Затѣмъ, вдругъ обернулся къ намъ и заговорилъ, спѣша и волнуясь:

— Жена у меня была. Разказала, какъ она этотъ мѣсяцъ мѣсто себѣ искала. Раньше все вскользь упоминала, а сегодня все разказала... У, сволочи, мерзавцы! Мнѣ бы только на волю выйти, — показалъ бы я имъ. Ее, было, прислугой въ больницу взяли. Работа тяжелая, непріятная, да она пошла. Зачислили ее. Два дня проработала, а на третій день ее старшій докторъ къ себѣ въ кабинетъ вызвалъ. — Вы, спрашиваетъ, замужняя? — Да, говоритъ. — Съ мужемъ живете, или разошлись? — Съ мужемъ. — А гдѣ теперь вашъ мужъ? — Она думаетъ, — зачѣмъ это имъ? Однако, сказала: — Въ тюрьмѣ. Докторъ говоритъ: — Это намъ извѣстно. А за какія художества твой мужъ въ тюрьму попалъ? — Сразу на «ты» перешелъ. Она ему говоритъ: — Не знаю, за что его взяли. Преступлений онъ никакихъ не сдѣлалъ...

— По уголовному дѣлу или по политическому, тоже не знаешь?

— Нѣтъ, это знаю, — по политическому.

— То-то! Такъ вотъ твой паспортъ, вотъ тебѣ рубль за два дня работы... Можешь идти. Анархистокъ намъ въ больницу не требуется! — Такъ и прогналъ ее, мерзавецъ. Эхъ, если бы мнѣ его повидать... Показалъ бы я ему, что ему требуется, что не требуется.

Большими шагами ходилъ Григорій взадъ и впередъ по камерѣ, сжимая кулаки отъ бѣшенства. Затѣмъ, немного успокоившись, онъ продолжалъ:

— Ну, Настя рѣшила другого мѣста искать, хоть кухаркой. Сказали ей, что въ Еловкѣ священнику мѣстному прислуга требуется. Передъ праздниками пошла она туда. Священникъ старичокъ, ласковый такой. Разспрашивалъ ее обо всемъ. — Замужняя? — Да! — А что же отъ мужа на мѣсто поступаешь? — Жить, говоритъ,

нечѣмъ. — Мужъ, значить, безъ работы или пьянствуетъ? — Нѣтъ, въ тюрьмѣ мужъ сидитъ. — Священникъ еще посочувствовалъ: — Ишь несчастье какое! Ну, не убивайся, говорить, это отъ Бога. Это со всякимъ выйти можетъ. Коли будетъ такая милость Господня, — еще съ мужемъ поживешь. А ко мнѣ хоть съ третьяго дня праздниковъ поступить можешь. — Насчетъ жалованья условились: 10 руб. въ мѣсяцъ. Однимъ словомъ потъ такимъ ей хорошимъ показался, что хоть и не попу въ пору. А вчера съ утра пришла къ нему... Онъ благословилъ ее, далъ руку поцѣловать, а тамъ и говоритъ: — Вотъ, что, голубушка. Я тогда съ тобой не толковалъ объ этомъ, но ты сама, чай, не маленькая... Я безъ жены живу, а человѣкъ еще не старій. Такъ у меня заведено, чтобы кухарка у меня не отказывалась... Потому и жалованье такое положено... — Она сперва отъ обиды слова сказать не могла, а потомъ плюнула старому чорту прямо въ рожу и убѣжала. Былъ бы я теперь на волѣ, я бы надъ этой стервой потѣшился, чтобы зналъ, какъ честныхъ женщинъ заманивать... Собака!

Пересыпая свою рѣчь непечатными словами, Григорій бѣшено грозился по адресу оскорбившаго его жену попа. И, глядя на его сведенное лицо, я думалъ, что старшій сластолюбецъ въ рясахъ не обрадовался бы встрѣчѣ съ нимъ.

Затѣмъ Григорій затихъ и легъ на койку. Сжалъ зубы, закрылъ глаза и дѣлалъ видъ, будто спитъ. Казалось, онъ раскаивается въ томъ, что повторилъ передъ нами разказъ жены. И всѣмъ было не по себѣ...

Вернулся въ баню и Женя. Онъ былъ, какъ всегда, оживленъ, веселъ.

Валентинъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Гдѣ ты столько времени пропадалъ? Мы думали, тебя уже въ карцеръ забрали.

— А я на лестницѣ три очереди ждалъ. За то новостей вамъ привезъ — съ три короба.

— На свиданіи рассказывали?

— Какъ же? на свиданіи расскажутъ, когда насъ 10 человекъ разомъ за рѣшетку загнали... И лицъ-то разглядѣть нельзя было... На свиданіи больше я рассказывалъ. Рассказалъ мамѣ, что жандармы общали меня до начала поста выпустить. Повѣрила!

— Ну, а новости какія?

— Новости... Прежде всего вамъ, Семеновъ, новость... И не совсѣмъ пріятная.

Семеновъ поднялъ голову и насторожился:

— Что такое?

— Третьяго дня у вашей жены былъ обыскъ. Искали оружія. Захватили фотографическія карточки, какія-то письма изъ Женевы и на дворѣ, за кладовкой нашли свертокъ, кажется, съ патронами. Просили передать, что жандармы, какъ пришли, такъ сразу и отправились за кладовку. Значитъ, провокація!..

Семеновъ слушалъ съ измѣнившимся лицомъ.

— А Ольга? — спросилъ онъ глухо.

— Ольга арестована. Сидитъ въ третьей части. Просила передать вамъ, что чувствуетъ себя вполнѣ спокойно и ничего не боится. Дѣтей у тетки какой-то оставила. Вотъ и все, что я знаю.

Женя рассказывалъ это своимъ обыкновеннымъ веселымъ голосомъ, который такъ нравился всѣмъ намъ. Мы слушали объ этомъ арестѣ, какъ слушали раньше о тысячѣ подобныхъ арестовъ, но Семеновъ былъ совершенно убитъ этой новостью.

— Я такъ и зналъ, — тихо произнесъ онъ.

Снова легъ на койку и спряталъ лицо въ жесткую подушку. Валентинъ попробовалъ утѣшить его.

— Полно, Сеня, — сказалъ онъ, — авось администра-

тивной высылкой обойдется. Поддержать полгода и выпустятъ.

Семеновъ ничего не отвѣтилъ. И всѣмъ сразу стало ясно, какъ нелѣпо оптимистическое предположеніе Валентина.

— Что же другихъ новостей не спрашиваете? — спросилъ Женя.

— А у тебя все такія? — полушутя, полусерьезно замѣтилъ Харько.

— Нѣтъ, есть и лучше: Зандерсъ и Смирновъ передъ праздниками подали прошенія!

— Не можетъ быть! — вскричалъ Валентинъ. — Я Зандерса съ 1902 года знаю... Это тюремная утка!..

— Мнѣ Костя передалъ. Онъ съ Зандерсомъ въ одной камерѣ сидитъ. Зандерсъ и не скрывалъ, что подаетъ прошеніе. Даже далъ Костѣ прочесть. Въ прошеніи нѣтъ ничего особеннаго: все, какъ водится. Костя его называлъ прохвостомъ и измѣнникомъ.

— А онъ что?

— Онъ — ничего. А у самого Кости дѣла швахъ. Передъ праздниками получилъ копію обвинительнаго акта. 279 статья по двумъ пунктамъ.

Такого же сорта оказались и всѣ Женины новости. Въ больницѣ за ночь умерло двое. Въ секреткѣ смертниковъ еще одинъ осужденный подалъ прошеніе на палача. Въ третьей слѣдственной камерѣ произошла драка между двумя политическими (сильно «полѣявшими» въ тюрьмѣ): дѣло началось изъ-за освободившагося мѣста на нарахъ, а кончилось тѣмъ, что одинъ разбилъ другому голову эмальированнымъ чайникомъ.

Рассказывалъ Женя обо всемъ одинаково живо, почти весело. Казалось, его все забавляетъ: и отступничество Зандерса, и драка, и то, что смертникъ лучше желаетъ быть палачомъ, чѣмъ самому подвергнуться повѣшенію.

Но, окончив свой рассказ, онъ замѣтилъ совѣтъ другимъ, улымымъ и печальнымъ голосомъ:

— Ну, вотъ и всѣ обычныя новости. Другихъ у насъ давно не было. Живемъ по-старому.

И на его молодомъ лицѣ обозначилась такая страдальческая складка, что, казалось, онъ сразу постарѣлъ лѣтъ на десять.

Я не принималъ участія въ этой бесѣдѣ, такъ какъ лежалъ больной, укрывшись всякимъ тряпьемъ: меня била жестокая лихорадка. Но, лежа въ сторонѣ, я внимательно прислушивался... Все одно и то же, одно и то же. Сегодня то же, что было вчера; завтра то же, что было сегодня. Къ чему все это? Скоро ли будетъ конецъ?

Въ камерѣ было тихо. Всѣ сидѣли, лежали или ходили по башнѣ, погруженные въ свои думы. Я поднялся съ койки и подошелъ къ окну. Долго смотрѣлъ на возвышающуюся за окномъ стѣну, эту мертвую лѣтопись тюрьмы. И передо мной проходили воспоминанія обо всемъ, что видѣла эта стѣна. Вонъ, между двумя кирпичными столбами, мелькаютъ имена повѣшенныхъ товарищей. Сколько ихъ было? Кого я помню изъ нихъ?.. А вонъ, крупная надпись: «Да здравствуетъ социализмъ!» Это писалъ Филиппъ. Недавно онъ подалъ прошеніе о помилованіи. Вонъ надпись, сдѣланная Самуиломъ, который теперь корчитъ изъ себя ивана на ротномъ коридорѣ. Вонъ еще имена, еще имена... Цѣлый синодикъ погибшихъ. А вонъ, выше, надъ надписями, яркія пятна свѣжаго излома кирпичей, зазубрины, выбоины. Сюда ударялись пули... Новыя имена ужъ не появятся на этой стѣнѣ: передъ нею, въ трехъ шагахъ отъ нея, протянута колючая проволока. Даже черточками, проведенными на кирпичахъ этой стѣны, не могутъ оставить память о себѣ погибающіе... Одинъ общій памятникъ останется у

нихъ — эта пропитанная кровью и плѣсенью тюрьма. Общій памятникъ надъ общей братской могилой.

Сгустились сумерки за окномъ. Уже не видно было надписей на стѣнѣ. Остался лишь мрачный силуэтъ чего-то огромнаго, тяжелаго.

— Чего безъ огня сидишь? — крикнулъ надзиратель за дверью, — зажигай лампу! На повѣрку становись.

Быстро зажгли лампу, прибрали камеру и стали въ два ряда противъ двери.

Вотъ и вечерняя повѣрка. Отворили тяжелую дверь. Въ камеру вошло человѣкъ 10 надзирателей. Спереди старшій, какъ всегда торжественный, надутый, съ краснымъ вздрагивающимъ лицомъ, съ мутными глазами, съ тщательно расчесанными длинными усами. Пересчиталъ насъ. Обвелъ глазами башню, чтобы провѣрить, все ли въ порядкѣ. Надзиратель съ тяжелымъ деревяннымъ молоткомъ подошелъ къ окну и началъ выстукивать рѣшетку. Тяжело падаютъ тупые удары на гудящія полосы желѣза. Кажется, вотъ-вотъ поддастся рѣшетка. Но нѣтъ, это только обманъ зрѣнія: уже десятки лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ построена тюрьма, каждый день, утромъ и вечеромъ выстукиваютъ вотъ такъ эти желѣзные рѣшетки, а онѣ все держатся, будто скрыта въ нихъ какая-то таинственная вѣчная сила.

Повѣрка ушла изъ башни.

Я снова ложусь на койку и укрываюсь потеплѣе. Въ камерѣ тихо.

Харько и Женья молча играютъ въ шашки. Перецъ сосредоточенно слѣдитъ за ихъ игрой. Григорій усѣлся у лампы писать письмо, но написалъ всего двѣ строки, и дальше дѣло у него не подвигается впередъ. Валентинъ пытается сосредоточиться надъ какой-то старой книжкой, но мысли его витаютъ гдѣ-то далеко, далеко. Митя и Семеновъ лежатъ на своихъ койкахъ.

Всѣмъ скучно, всѣхъ гложетъ тоска.

Женя первый прервалъ молчаніе.

— Товарищи, — заговорилъ онъ. — Мы вѣдь чуть не забыли, какой день сегодня! Будемъ Новый Годъ встрѣчать. До 12 часовъ не ложиться! Пиръ устроимъ, рѣчи, — все какъ слѣдуетъ! Идетъ? А?

— Идетъ, — отозвался Григорій.

А Харько замѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Новый-то годъ встрѣтимъ. Это — ладно. Только насчетъ пира — что намъ староста скажетъ? Товарищъ Семеновъ, колбасы намъ дадите Новый Годъ встрѣтить?

— Погоди съ колбасой, хохоль, — вмѣшался Григорій. — Нужно рѣшить, все по порядку. Товарищъ Сергѣй, вы рѣчь скажете?

— У меня не выйдетъ ничего, — отвѣтилъ я, — голова трещитъ и трясетъ всего... Какая тутъ рѣчь?

— Ну, такъ товарищъ Валентинъ не откажется.

— Отказываюсь.

— Ну, такъ и праздника у насъ не будетъ. Товарищъ Валентинъ, развѣ трудно вамъ? Васъ просятъ... Хотя пару словъ скажите.

— Ну ладно, чортъ васъ дерит!..

Въ башнѣ стало какъ-то веселѣе. Начали готовиться къ празднику. Смѣялись, шутили. Покрыли столъ полотенцемъ. Харько нарезалъ тоненькими ломтиками фунта два колбасы и разложилъ эти ломтики звѣздой на бумагѣ. Кругомъ положилъ ломти черного хлѣба и отдѣльно отъ нихъ куски булки, полученной въ сегодняшнюю передачу. Все это показалось ему до того изящно, что онъ не могъ удержаться отъ выраженія восхищенія собственнымъ искусствомъ.

— Вотъ это столъ, такъ столъ! Въ буржуазныхъ домахъ лучше не бываетъ! Ты, Перець, лучше видайть когда-нибудь?

— Лучше видайть. А вотъ хуже, — не помню.

— Врешь! Ты смотри: изъ ничего вѣдь какой столъ парадный вышелъ!

Между тѣмъ, Григорій привѣсилъ надъ лампой чайникъ и кипятилъ воду, готовя чай.

— Ложись спать! — раздалась команда за дверью.

— Ложимся! — отвѣтили мы по обыкновенію.

Начали говорить шопотомъ.

— Женя, твоя койка въ прозорку видна. Устрой тамъ.

— Я туда чучело положу.

Женя свернулъ чье-то пальто, уложилъ его на своей койкѣ. Примостилъ тамъ же чайникъ и два мѣшочка съ бѣльемъ, покрылъ все одѣяломъ, а поверхъ его протянулъ сложенное полотенце.

— Вотъ это такъ чучело — ликоваль онъ. — И съ руками, и лицо, какъ мое. Лежи смирно, тебѣ говорятъ!

Толкнувъ свое чучело ногой въ бокъ, онъ вернулся вглубь башни.

Сѣли къ столу и ждали, когда поспѣетъ чай. Подсѣлъ къ столу и Семеновъ, и Митя. Всѣмъ хотѣлось ознаменовать чѣмъ-нибудь встрѣчу Новаго Года, хотѣлось, чтобы праздникъ вышелъ возможно торжественнѣе, но каждый думалъ невольно о томъ, что принесъ намъ минувшій годъ, что несетъ намъ Новый, начинающійся. И отъ этихъ думъ у каждого становилось на душѣ тяжело и тоскливо. Позади невозвратимая утрата, паденія, разочарованія. Впереди — тьма безпросвѣтная, утрата того, что еще не утрачено, быть можетъ, новыя еще болѣе печальныя паденія, смерть. Хотя бы маленькій просвѣтъ, хоть бы искорка надежды впереди. Ничего, кромѣ тьмы и холода могилы!

Я тоже сидѣлъ у стола, прислонившись къ стѣнкѣ. Было такъ тяжело, что хотѣлось плакать, хотя глаза ужъ

давно отвыкли от слез. Смотрѣлъ внимательно на готовящихся къ встрѣчѣ Нового Года товарищей.

Вотъ сидѣть, не видя ничего вокругъ себя, погруженный въ свои невеселыя думы Семеновъ. Ему сидѣть въ тюрьмѣ еще не меньше 7 лѣтъ. Что жена его получить каторгу, — это несомнѣнно. А мы знаемъ, что представляла для него семья. Выдержитъ ли онъ это испытаніе? Пока онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ. Но слишкомъ низко опустил онъ теперь свою голову. Выдержитъ ли? Можетъ быть, теперь уже эрѣтъ въ немъ рѣшеніе, которое оттолкнетъ его отъ насъ...

Вотъ возится около чайника Григорій. Онъ надѣется еще выйти на волю, мечтаетъ о мести, но я знаю отлично, что онъ не выйдетъ изъ тюрьмы. Его повѣсятъ. И почему-то мнѣ не жалко его. Не повѣсили бы его теперь, такъ повѣсили бы немного позже. Такихъ, какъ онъ, при мнѣ повѣсили не одинъ десятокъ. Теперь повѣсятъ еще одного...

Вотъ задумался надъ чѣмъ-то товарищъ Валентинъ. Его желтое лицо при свѣтѣ лампы кажется лицомъ мертвеца. О чемъ онъ думаетъ? Можетъ быть, вспоминаетъ весь пройденный жизненный путь, — рѣдкіе часы подъема, восторга и годы страданій. Это тоже конченный человекъ.

Конченный человекъ и молчаливый, скромный Перець. Разъ жандармы раскопали его старыя дѣла, значить, смертный приговоръ ему обезпеченъ. Можетъ быть, замѣняя висѣлицу вѣчной каторгой, но вѣдь это одно и то же.

Харько крѣпче другихъ. Можетъ быть, онъ и выживетъ, — благо и срокъ у него небольшой. Но какимъ человекомъ выйдетъ онъ изъ тюрьмы? На что будетъ онъ годенъ послѣ этой передѣлки?

Относительно Мити гадать нечего: онъ протянетъ не

долго: можетъ быть, съ мѣсяцъ, можетъ быть два... Онъ и теперь, какъ неживой.

А вотъ хлопочетъ, убирая столъ, самый молодой, самый жизнерадостный изъ насъ, Женя. Мы всѣ знаемъ, что его повѣсятъ, и онъ твердо знаетъ это. Тюрьма еще не вытравила красокъ съ его молодого, почти дѣтскаго лица, еще не потушила огня его глазъ, еще не заглушила его звонкаго голоса. Но онъ — обреченная жертва висѣлицы. На его шеѣ виднѣется иногда полоска отъ узкаго ворота, тонкая, красная полоска на нѣжной, бѣлой кожѣ. Теперь, когда онъ наклоняется надъ столомъ, я ясно вижу его шею съ краснѣющей на ней черточкой, и думаю: «Точь-въ-точь по этой полоскѣ летля придется»...

Я внимательно вглядываюсь въ лица готовящихся къ встрѣчѣ Нового Года товарищей. И все яснѣе становится мнѣ, что всѣ мы уже не принадлежимъ этому міру, міру живыхъ. Люди, стоящіе одной ногой въ могилѣ... Люди, обреченные висѣлицѣ и смерти, — мы устраиваемъ себѣ праздникъ, встрѣчая Новый Годъ! Забавно...

Тоскливо тянулись минуты. Наконецъ, Григорій провозгласилъ:

— Готово, товарищи! — и торжественно поставилъ на столъ кипящій чайникъ.

Харько заварилъ чай и разлилъ его по кружкамъ.

— Ну, теперь приступимъ! — пригласилъ онъ.

Опять начались шутки и смѣхъ, скучныя шутки, невеселый смѣхъ. Казалось, будто мы нарочно стараемся поднять свое настроеніе.

— Товарищъ Валентинъ! На линію огня! Рѣчь говорите!

— Тише! слушайте!

— Что-нибудь повеселѣ! На мотивъ «Громъ побѣды раздавался!»

— Что-нибудь не философское, а агитаціонное.

Валентинъ молчалъ, и лицо его было грустное и утомленное.

— Я не буду, — сказалъ онъ серьезно и устало.

— Да ну же, вы общались.

— Нельзя отказываться!

— О чемъ же говорить? — спросилъ Валентинъ.

— О чемъ угодно. О прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ.

— Хорошо. Я скажу новогоднюю рѣчь, товарищи. Лучше высказать, чѣмъ таить про себя.

— Слушаемъ! Слушаемъ!

— О минувшемъ годѣ не буду я говорить. Минувшее всѣ мы знаемъ. И слишкомъ темно, слишкомъ печально минувшее, чтобы вспоминать все... въ такой радостный часъ, при такой веселой обстановкѣ.

Въ голосѣ Валентина слышался рыдающей сарказмъ. И медленно сползли съ лицъ его слушателей улыбки. Онъ продолжалъ:

— Я только о ближайшемъ будущемъ буду говорить. Его можно предвидѣть. Оно будетъ мрачнѣе и ужаснѣе всего пережитого... Кровь, слезы и грязь, — вотъ что ждетъ насъ. Всего больше грязи... Черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ нѣкоторые изъ насъ опять будутъ встрѣчать Новый Годъ. Только нѣкоторые, не всѣ, далеко не всѣ. Тогда они вспомнятъ тѣхъ изъ насъ, которыхъ уже не будетъ въ живыхъ... И они позавидуютъ намъ, позавидуютъ тому, что мы лежимъ въ землѣ и ничего не видимъ, ничего не слышимъ, ничего не чувствуемъ... Товарищи! я не хочу дожить до слѣдующей встрѣчи Нового Года и никому изъ васъ не желаю этого... Скорѣй конецъ! Вотъ моя новогодняя рѣчь, товарищи!..

Голосъ Валентина дрожалъ, все лицо его передергивалось, какъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Я не узнавалъ его, всегда столь уравновѣшеннаго, сдержаннаго. Но

видно было, что его несуразная новогодняя рѣчь — стонъ, вырвавшийся изъ самой глубины его измученной души.

И всѣ, казалось, почувствовали, что Валентинъ высказалъ общую думу, общее настроеніе. Не было больше смысла шутить, смѣяться и вѣшной веселостью маскировать свою тоску. Сразу оборвались шутки. Встрѣча Нового Года разстроилась. Мы сидѣли молча, стараясь не глядѣть другъ на друга...

Въ это время за дверью раздался сердитый окрикъ:

— Чего послѣ команды сидите? Спать ложись, сволочь!

Тихо улеглись мы каждый на свое мѣсто. И каждый думалъ про себя:

— Правъ Валентинъ. Скорѣй бы конецъ!

Эту мысль можно было прочесть и на упрямомъ морщинистомъ лицѣ Харько, и на полудѣтскомъ лицѣ Жени.

Я вспомнилъ эту встрѣчу Нового Года въ башнѣ, когда заговорилъ о душевномъ состояніи «уцѣлѣвшихъ» въ тюрьмѣ. Вспомнилъ этотъ случай, такъ какъ онъ характеризуетъ ту безнадежную пустоту, въ которой мы жили въ разгаръ реакціи въ Н—ской тюрьмѣ.

Правда, не во всѣхъ тюрьмахъ узники встрѣчаютъ Новый Годъ съ такими безотрадными чувствами. И въ той же Н—ской тюрьмѣ 1910-й годъ мы встрѣтили въ болѣе бодромъ настроеніи. Я не хочу обобщать свои тягостныя наблюденія, не хочу сгущать краски.

Въ то время, какъ мы, «уцѣлѣвшіе», мечтали «скорѣй бы конецъ», въ это время гдѣ-нибудь другіе «уцѣлѣвшіе», быть можетъ, съ бодрой вѣрой смотрѣли вперед... Но все же и наше положеніе въ башнѣ было не исключительное. Такъ же тогда встрѣтили 1909-й годъ многія сотни и тысячи людей и въ тюрьмахъ, и на волѣ.

